

А.А. Пауткин

Русские писатели в дневниках Великого Князя Константина Константиновича

Аннотация: В статье, посвященной 100-летию со дня смерти К. Р., рассматриваются дневниковые записи, в которых поэт высказывает свое мнение о ряде современных ему писателей и поэтов.

Ключевые слова: К.Р., дневник, Осташёво, И.А. Гончаров, А.А. Фет, А.Н. Майков, Л.Н. Толстой

Abstract: The article, devoted to the 100 anniversary of death of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich, deals with his diary notes, where the poet expresses his opinion about writers and poets – his contemporaries.

Key words: K. R., diary, Ostashevo, I.A. Goncharov, A.A. Fet, A.N. Maykov, L.N. Tolstoy

В наступившем году исполняется 100 лет со дня смерти Великого Князя Константина Константиновича Романова (1858–1915) – поэта, драматурга и переводчика, писавшего под криптонимом К. Р. В историю отечественной культуры внук Николая I вошел не только как литератор. Человек деятельный и разносторонне одаренный, он занимал множество различных постов, не ограничиваясь лишь августейшим представительством. Так, более четверти века (с 1889 г.) К. Р. был президентом Императорской Академии наук (при нем образовано отделение языка и изящной словесности), ведал присуждением Пушкинской премии, учрежденной в 1881 г. В 1915 г. опубликованы его критические отзывы на сочинения писателей, получавших эту премию, среди которых были, в частности, А.П. Чехов, А.Н. Майков, А.И. Куприн и В.В. Вересаев. Известна также работа Великого Князя в качестве председателя Комиссии по подготовке празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

Осташёво. Один из двух обелисков, сохранившийся при въезде в усадьбу

Государственная, общественная деятельность и, конечно, гвардейская служба Великого Князя были связаны с чиновным Петербургом¹. Сам К. Р. и члены его многочисленного семейства нечасто бывали в Москве (напр. 1896 г.), и все же в окрестностях первопрестольной есть уголок, связанный со зрелыми годами поэта. Это имение Осташёво, приобретенное в 1903 г. В усадьбе, расположенной недалеко от Волоколамска, К. Р. пережил мгновения творческого подъема и тяжесть невозполнимой утраты. Именно здесь был похоронен один из его сыновей – Олег Константинович – единственный из Романовых, окончивший Царскосельский лицей. Корнет Лейб-гвардии Гусарского полка был смертельно ранен

в первые недели мировой войны. Столь же печально сложилась семейная жизнь дочери поэта Татьяны. Ее муж, кавалергард князь К.А. Багратион-Мухранский, тоже был убит в начале Великой войны. Эти события окончательно подорвали здоровье великого князя, пережившего любимого сына менее чем на год².

Осташево, сменившее с XVIII в. множество хозяев³, не пощадило время. Сегодня о прежнем величии можно судить по остаткам старинного парка на берегу Рузского водохранилища, подъездной аллее и бывшим хозяйственным постройкам, выполненным в псевдоготическом стиле. Главный усадеб-

¹ Пройдя первоначально морскую подготовку, Константин Константинович по настоянию отца начал служить на флоте. Однако, не чувствуя тяги к морю, перешел в гвардию. Он командовал Государевой ротой лейб-гвардии Измайловского полка, Преображенским полком, а в начале XX в. стал генерал-инспектором военных учебных заведений.

² Олег Константинович (1892–1914) окончил Лицей в год его столетия, увлеченно изучал творчество Пушкина, подготовил факсимильное издание автографов поэта из лицейского собрания. О судьбе и деятельности юного пушкиниста см.: Пауткин А.А. Из истории публикации автографов А.С. Пушкина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 1.

³ Яркая страница в истории Осташёва связана с родом Муравьевых. После реформы 1861 г. усадьбой владели разные хозяева, в том числе купеческого сословия.

ный дом не сохранился. Лишь усыпальница князя Олега, разоренная после революции, внешней реставрации.

К. Р. любил бывать в «дорогом» Осташёве. Здесь он работал над драмой «Царь Иудейский», делал записи в дневнике, в котором в бесхитростной, можно сказать, «домашней» форме помимо других наблюдений нашли отражение в том числе и впечатления от современной автору русской литературы. Обратимся к этому аспекту дневниковых записей, оставив в стороне подчас противоречивые характеристики поэзии самого августейшего стихотворца и не делая выводов о том, кто из писателей первой величины более других влиял на его творчество.

Осташёво. Церковь-усыпальница во имя преп. кн. Олега и Серафима Саровского.
Инженер С.Н.Смирнов

В доступной нам сегодня опубликованной части дневников К. Р. упоминаются многие писатели второй половины XIX – начала XX вв.⁴ Это могут быть перечисления литераторов, связанные с общественной деятельностью великого князя (заседания, годовщины, издания сочинений, обращения к нему с инициативами и прошениями). Подобные записи свидетельствуют о том, что К. Р. находился в постоянном контакте и переписке с критиками, учеными и литераторами. Словом, он был активным участником духовной жизни и литературного процесса своего времени.

Несмотря на особое общественное положение автора, в дневниках можно заметить осторожное, весьма деликатно в готическом стиле и даже несколько застенчивое отношение к собратьям по перу. Он как бы с некоторой дистанции взирает на них, притом что дневниковые пометы – тексты, написанные не для посторонних глаз. Очевидно, автор этих записей оценивал свое место в русской литературе как достаточно скромное. Вот пример весьма самокритичной оценки: «Что же, наконец, есть во мне хорошего? Я талантливый поэт? Но и с этой стороны прорех немало: не хватает мне глубины мысли, воображения, силы. Иногда просто руки опускаются, как вдумаясь в свою несостоятельность» (5 ноября 1888 г., стр. 136).

⁴ Дневниковые записи цит. по изданию: *Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Вступ. ст., коммент. Э. Матониной. М.: Искусство, 1998. Страницы этого издания указываются в скобках.*

Но есть записи, свидетельствующие о высокой увлеченности художественным творчеством. Они позволяют назвать имена писателей, наиболее

Осташёво. Хозяйственные постройки
в готическом стиле

близких автору дневника. Их упоминания часты и звучат благоговейно. Это своего рода литературные кумиры поэта. С одними он просто встречается, приглашает на литературные вечера, зачитывается их произведениями и обсуждает прочитанное в семейном кругу. С другими – состоит в длительной переписке, трепетно прислушивается к их мнению, критическим замечаниям, пересылает им свои стихи.

Так выстраивается некая приоритетная последовательность имен, оказавшихся для К. Р. знаковыми. Назовем их в порядке, соответствующем частотности появления в дневнике. Это А.А. Фет, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский. Все они много старше великого князя. Можно сказать, что К. Р. – свидетель заключительного этапа творчества каждого из них. Пожалуй, наиболее душевно близок ему Гончаров. Считается, что именно он подал идею создания драмы «Царь Иудейский». К. Р. состоял в многолетней переписке с Гончаровым. 9 ноября 1892 г. он запишет в дневнике: «Прочитал все 34 письма И.А. Гончарова, обнимающие промежуток времени с января 84 по 31 декабря 91 года. В связи с ними читал и мои письма к нему. Когда-нибудь, нескоро, в печати эта переписка представит очень приятное чтение. Но исполню волю покойного, я, пока жив, не напечатаю ее» (стр. 189). Гончаров – критик стихов Великого Князя, который любит старика и в то же время опасается, полагая, что более снисходителен к нему Майков⁵. От оценок Гончарова поэт впадает в уныние или, напротив, ободряется. Есть в дневнике и печальные пометы о посещении умирающего писателя, прощании с ним: «Я поехал поклониться праху. На Моховой в доме № 3, где я часто бывал у покойного в кабинете, из которого убрали всю мебель, лежал старичок точно спящий» (стр. 185). А более чем за десять лет до этого, в 1880 г., К. Р. делает запись в дневнике о том, что опасается, что из него «выйдет Райский в “Обрыве” Гончарова» (стр. 193).

⁵ О Майкове К. Р. пишет: «Не родился он поэтом, то, наверное, был бы историком. Я люблю его взгляды на прошлое нашего отечества» (указ. соч., стр. 154).

Иное дело Фет («он так близок моему сердцу»). Это недостижимый кумир, авторитет в постижении поэтических приемов, техники стиха: «Четырехстопный

анapest и одни женские рифмы – это напоминает Фета. Не впадаю ли я в невольное подражание?» (стр. 124) Вообще сомнения в собственных силах – частый мотив дневниковых записей («А вот у Фета – чистая поэзия», стр. 187). Неизменное преклонение перед памятью Фета отразилось не только в записях, касающихся подготовки вместе со Н.Н. Страховым полного собрания стихотворений поэта, но и в таких милых мелочах: «Марья Петровна Шеншина ... привезла мне золотое перо с серебряной ручкой, которым Фет писал последние три года, и тетрадь неизданных стихотворений» (стр. 195). Обширная переписка Фета с К. Р. опубликована в 2011 г.⁶

Осташёво. Хозяйственные постройки
в готическом стиле

30 октября 1891 г. К. Р. записывает: «Я еще был мальчишкой, мне едва было 20 лет, когда я познакомился с творцом “Преступления и наказания”. Я еще не писал стихов, а уже и тогда меня притягивал к себе этот человек. Он относился ко мне с расположением, и помню, как однажды предсказал мне великую будущность. Я верю, что он обладал даром пророчества» (стр. 187). Признание К. Р. не выглядит столь неожиданным, если иметь в виду следующее обстоятельство. Еще в молодости, во времена морской службы, будущий поэт переживает душевное потрясение от знакомства с произведением Достоевского. В кают-компании фрегата «Светлана» он читает «Бедных людей» и бежит от посторонних глаз в свою каюту, где, «став на колени у постели, расплакался. Долго не мог успокоиться» (стр. 67). А вот и другая запись, относящаяся к сентябрю 1880 г. После коллектив-

⁶ См.: А.А. Фет и его литературное окружение. ИМЛИ РАН, 2011. (Лит. наследство. Т. 103. Кн. 2)

ного чтения фрагмента «разговора двух братьев Карамазовых» разразился ожесточенный спор, итогом которого стало следующее суждение: «Что за громадная сила мышления у Достоевского. Он на такие мысли наводит, что жутко становится и волосы дыбом поднимаются. Да, ни одна страна не произвела еще такого писателя, перед ним всё остальное бледнеет» (стр. 73). Не раз в дневнике появляется информация о вечерах, на которые приглашался Достоевский (царевны плачут при чтении автором исповеди старца Зосимы). К. Р. читает жене «Мертвый дом» (так в дневнике), констатирует в 1881 г. появление «единственного номера за нынешний год “Дневника писателя”».

Иные авторы XIX в. упоминаются в дневниках реже. Нечастый гость на его страницах Л.Н. Толстой. Посвященные ему краткие записи – это вспышки эмоций, отголоски художественного потрясения. Сентябрем 1886 г. датирована запись: «Читал “Смерть Ивана Ильича”, один из последних рассказов гр. Л. Толстого. Начало мне нравится более конца: удивительная правдивость, даже в последних мелочах. В конце все как-то смутно. Я, наверное, не буду так умирать» (стр. 254). В марте 1899 г. всего одна восторженная фраза о новом романе Толстого «Воскресение».

Заметим, что К. Р. отозвался басней на отлучение Толстого. Она называется «Семь голубей». Есть и подзаголовок – «Басня по поводу отлучения Л.Н.Т.». Вот ее первые строки:

Чем дело началось, не помню, хоть убей!
Но только семь смиренных голубей,
Узнав, что лев блюсти не хочет их обычай,
И выдумал (ведь дерзость какова!)
– Жить наподобье льва –
Решили отлучить его от стаи птичьей! (стр. 396)

Н.С. Лесков с его «Соборянами» вызывает у К. Р. душевный подъем, «с жизнью мирит»: «На других языках я не знаю ни одной книги, в которой бы, как во многих русских, было заключено столько непринужденного, веселого смеха сквозь такие горькие и искренние слезы» (стр. 126). С тем же чувством он читает вслух сестре Ольге (будущей королеве эллинов) «Запечатленного Ангела».

Восторженные отклики вызывает творчество Е.А. Баратынского. К. Р. штудирует и стихи, и прозу по изданию 1884 г.: «Какой это был тонкий, наблюдательный ум, что за чуткая, возвышенная душа, сколько благоволения, как много приветливости в этом светлом, уравновешенном характере» (стр. 217). Современники, С. Надсон и К. Фофанов, напротив, отвергаются. Чтение Д.В. Григоровичем новой повести «Пикник» удручает: «Это, скорее, карикатура, чем сатира, растянуто и грубовато».

Интересуется К. Р. и фольклором. «Удивительное впечатление» произвел на него сказитель былин И.Т. Рябинин, сын знаменитого Т.Г. Рябинина, ко-

того он слушал в 1893 г. в доме академика Я.К. Грота: «Веет от него седой стариной, русским богатырским духом» (стр. 194).

Особо отметим краткие упоминания Н.В. Гоголя. 28 января 1889 г. датирована запись: «Гр. Комаровская принесла мне целую тетрадь неизданных писем Гоголя. Не помню, откуда они у нее. Это письма к семейству Вельгорских (так у К. Р. – А. П.), особенно к Анне Михайловне. Очень хороши, где он определяет значение истинно русского человека» (стр. 142). Еще раз имя Гоголя появляется в связи с чтением «Домостроя»: «Как прав Гоголь, советуя читать ее (книгу. – А. П.) желающим быть истинно русскими в тех еще неизданных письмах, что были у меня в руках» (стр. 145). Судя по всему, это письма Гоголя Виельгорским 1844–1849 гг., в основном из Европы. А о «Домострое» Гоголь писал Анне Михайловне 30 марта 1849 г. уже из Москвы. Это письмо будет впервые опубликовано В.И. Шенроком в № 11 «Вестника Европы» за 1889 г.

В записях за первое десятилетие XX в. литературные мотивы встречаются все реже. На первый план выходят общественные потрясения: революционные события, война, гибель сына (о трагической судьбе в годы революции других сыновей К. Р., к счастью, ничего не узнает). Находясь в Осташёве летом 1910 г., он записывает: «Смущает меня, что, отдыхая здесь и наслаждаясь работой, я почти чужд местному населению и не имею с ним ничего общего. А как сблизиться – не знаю, не умею» (стр. 328). А вот записи конца августа – начала сентября 1914 г.: «Неприятное творится с нацией, давшей миру Гете, Шиллера, Канта, Вагнера; куда девался ее идеализм, что случилось с ее нравственностью!» (стр. 348) С грустью пишет он и о себе: «Стыдно показываться на людях: я еще не стар, относительно здоров, а не нахожусь на войне. Ведь всем не растолкуешь, что за 24 года успел отстать от строя, в чине полного генерала не найти подходящей должности в действующей армии и что здоровье легко изменяет» (стр. 348). Это написано примерно за 10 месяцев до смерти.

В последние годы К. Р. гораздо больше и чаще касается литературной жизни в письмах, нежели в дневнике. Показательна в этом смысле переписка с А.Ф. Кони. Здесь образцы все те же. Можно заметить неприятие В. Брюсова, недовольство «искусственностью» «Жар-птицы» К. Бальмонта, возмущение фельетонностью «Александра I» Д. Мережковского или «тривиальной фантазией» рассказов Л. Андреева. Часто речь заходит о «незабвенном Афанасии Афанасьевиче». В письме 1915 г. упомянут А. Блок, «признаваемый первым в наше время лириком, последователем, или по крайней мере приемником Фета» (стр. 445). В дневниковой записи 29 ноября 1910 г. достается и И.А. Бунину: «Почетн. академ. И.А. Бунин прислал мне новые две книжки: том 6-й стихотворений и рассказов и перевод Байронова “Манфреда”. Но что за разочарование: стихи отнюдь не поэтичны; все больше сонеты с произвольно переставленными стопами, что в корне искажает характер сонета. Есть безобразные сравнения: напр., скала в Архипелаге уподоблена ковриге хлеба!!!

И в стихах, и в рассказах попадаетесь нескромность, граничащая с порнографией» (стр. 337).

Был ли К. Р. литературным ретроградом или испытывал ревность к более талантливым и молодым писателям? Пожалуй, нет. Хотя дневник – текст неофициальный, куда вносились обычные впечатления, пусть и хорошо информированного в литературных делах читателя, но читателю этому все-таки трудно освободиться от бремени сановного арбитра. В оценках современников, авторов эпохи Серебряного века, немало субъективного. Но в этом и притягательность его суждений. Литературные вкусы К. Р., представителя «чистого искусства», сформировались совсем в другие времена. Ведь недаром одна из работ о нем называлась «К. Р., поэт любви и красоты»⁷.

Сведения об авторе:
Алексей Аркадьевич Пауткин,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

⁷ Кузьминский К. К. Р. – поэт любви и красоты (1882–1907). М., 1907.